

С.И. Ожегов. Словарь русского языка

З

аметно было, что из всей очереди ожидающих непринужденная обстановка в приемной порождала неудобство и неловкость только у единственного человека, явно к ней непривычного. Седеющий посетитель среди щеголеватой деловой молодежи выделялся не только потертым костюмом — он казался человеком в этой среде случайным. Прием по личным вопросам еще не начинался — генеральный задерживался. На всякий шумок в коридоре очередь вздрагивала и нервно оглядывалась.

Генеральный возник в двери все-таки неожиданно, заполнив спортивной фигурой весь проем. В светлом костюме, белой рубашке без галстука и в легких туфлях он ничем бы не выделялся из массы ожидающих его сотрудников, если бы не выражение лица, по которому всегда можно узнать ХОЗЯИНА. Щебетание в приемной разом смолкло, развалившиеся в креслах торопливо привстали, приветствуя вошедшего. Генеральный ответил кивком головы и строго оглядел собравшихся: «Что-то много вас здесь сегодня — может, вам заняться нечем? На территории уборка — идите помогать. По окончании зайдете».

И, проигнорировав тихий ропот подчиненных, обратился непосредственно к пожилому посетителю: «А Вас, Петр Иванович, прошу ко мне. — И уже своему секретарю: — Наташа, подайте нам кофе, пожалуйста, и не соединяйте ни с кем». Двери со сверкающей табличкой «Генеральный директор Сидоров С.А.» затворились, мягко отсекая кабинет от звуков приемной.

Вопреки обычаю, генеральный не занял начальственное кресло за широким столом, а расположился за приставным — для конференций, — к которому демократично пригласил и посетителя: «Присаживайтесь поближе, сейчас нас кофейком побалуют. Поговорить нам есть о чем. Я Ваше резюме на трудоустройство внимательно изучил, и возник у меня по нему ряд вопросов. Почти двадцать лет отдали Вы системе профессионального обучения и переподготовки кадров, сотни специалистов в жизнь вывели, в трудовой книжке — одни благодарности, и вдруг — уволены по сокращению штатов. Что случилось? Комбинату стали не нужны квалифицированные кадры?»

Собеседник на своем стуле напрягся, рука с чашкой дрогнула, и, чтобы не расплескать, он поставил ее на блюдец. Этот вопрос ему неоднократно задавали в организациях, в которые он обращался по направлениям службы занятости. Обычно его выслушивали, сочувственно кивали головой и вежливо отказывали. И понятно: зачем им инженер по подготовке кадров, если у ворот — богатый выбор безработных. Но все равно в горле першила обида, и оттого голос слегка дрожал.

«Вы действительно правы в своих сомнениях. Действительно, учил я молодых. Но тогда у нас была другая страна, другие потребности производства. Рабочих рук не доставало хронически, умные руководители искали трудовые резервы, создавали базы для профтехучилищ. И наш комбинат не отставал: почти половина коллектива через эту школу прошла, и все складывалось хорошо, пока не наступила эра приватизации и комбинат акционировался. Потом сменилось его руководство, изменились и потребности рынка и с ними специализация производства; пришли новые собственники и производство свернули, чтобы землю предприятия продать под жилую застройку. Многих тогда за порог отправили, не только меня. Молодые сами ушли: кто в бизнес, кто в охрану, а кто и в торговлю наладился. Для производства такие навек потеряны. Сегодня толкового токаря, фрезеровщика или даже электрика сразу не сыщешь. А нужда в них возникает огромная, как Вы понимаете. Если вовремя не спохватиться, загубим и промышленность, и страну заодно. А то, что я долго на пособие по безработице существую, то только потому, что всем начальникам возле себя молодых видеть хочется. Я это понимаю — сам молодых люблю. Да только их к жизни и профессии сначала подготовить следует — тогда и отдача будет. А я это делать умею и знаю как. Потому и направил свое резюме на ваш конкурс. И надеюсь на удачу».

Генеральный не торопился прервать собеседника, слушал внимательно. Выражение его лица показалось Петру Ивановичу чем-то знакомым и настроило. Он умолк в преддверии очередного вежливого «Вы нам не подходите» или «Вы опоздали, вот если бы вчера...» И генеральный оказался не лучше. Отвернувшись от собеседника к окну, он произнес ожидаемое: «Уважаемый Петр Иванович! Ваша квалификация и опыт не вызывают сомнений. Но на должность мастера производственного обучения мы найдем кого-нибудь помоложе. Перспективы развития у нашей фирмы огромные и наши потребности в квалифицированных специалис-

тах соответствующие. Пока не выручает вахтовый метод, но мы понимаем, что кадровые резервы Кургана и Ирбита скоро иссякнут. На гастарбайтеров надеяться не приходится. А потому, делая ставку на местных рабочих, я принимаю решение в Вашей просьбе о приеме мастером производственного обучения отказать. — Директор замолчал, краями губ улыбнулся произведенному эффекту и, выждав паузу, жестом остановил встающего с кресла Петра Ивановича. — Я еще не закончил. Вы назначаетесь начальником бюро по подготовке и аттестации кадров, которое срочно предстоит создать. Работы впереди — бескрайнее море. Поэтому приступайте с завтрашнего дня не откладывая. Вот Ваши документы с моим резюме».

Генеральный щелкнул клавишей селектора с надписью: «зам. по кадрам»: «Лукич! Сейчас к тебе специалист придет с представленными тобой документами. Я назначил его начальником бюро подготовки и аттестации кадров». В динамике громкой связи крикнуло, и послышался умоляющий голос заместителя: «Сергей Павлович! У нас такой должности в штатном расписании нет!» — «Теперь будет, — успокоил его генеральный. — С завтрашнего дня, готовьте приказ».

Проводив нового сотрудника до двери, генеральный остановился у зеркала и внимательно взгляделся в свое отражение. «Как же я изменился, если даже бывший наставник не узнает. На голове залысины, лицо округлилось, мешки под глазами — ответственность изматывает. Впрочем, мы с наставником лет семнадцать не виделись. А Петру Ивановичу эти годы — как с гуся вода. Позавидуешь. Значит, еще поработает на общее благо. А то, что он меня не узнал, — может, и к лучшему. Времена идут сложные, а субординация требует лишнего повода для разговоров не подавать».

В окно генеральный увидел, как «озеленители» готовятся пилить под корень молодые тополя. Вспомнилось, как лет двадцать назад он сам высаживал молодые деревца. Тогда в стране набирало силу «зеленое движение», заставляя считаться с собой и дряхлеющий аппарат КПСС, и исполнительные власти. Город сотрясали митинги против планов строительства в рекреационной зоне города химического комбината. «Зеленые» проникли на предприятия, в учреждения и учебные заведения, грозя перерасти в политическую партию, чем возбуждали головные боли в органах власти, явно не способных противостоять новому и непонятному явлению.

Той весной Серега Сидоров с красным дипломом профтехучилища прибыл по направлению на работу в базовый производственный комбинат, не особо задумываясь, что его красный диплом приравнивается к золотой медали средней школы и дает преимущество на зачисление в вуз для учебы по профильной специальности. Мешало встать на эту дорогу отсутствие отца — и, соответственно, безденежье и хроническое переутомление матери на подработках. Сергей утешался, что подзаработает денег, оденется и уж потом поедет поступать.

«Потом — значит, никогда, — так заявил ему инженер по подготовке кадров комбината. Он давно заприметил этого толкового паренька. — Если не будешь поступать — заберут в армию. Упустишь свой шанс — не догонишь: или льготу отменят, или женишься, или обленишься. И пропадут тогда твои старания и красный диплом. Послушай меня, пока не поздно: пиши заявление о направлении тебя стипендиатом от предприятия в Уральский политехнический. Остальное — моя забота».

Нравился Петру Ивановичу этот толковый и прилежный мальчиш-

ка, понятливый и старательный и в учебе, и на практике. А еще он как никто понимал, что некому поддержать сироту на жизненном распутье. И что если не он, его преподаватель и наставник, то никто ему не поможет никогда. И убедил-таки парнишку учиться дальше и взялся ему помогать на свой риск.

Председатель совета трудового коллектива Минин, демократ, популист и оратор, на предложение Петра Ивановича готовить инженерные кадры из своей среды откликнулся с готовностью: «Знаю я этого хлопца по практике. Способный и уважительный юноша. Единственный из группы по четвертому разряду вышел. Согласен, пусть учится за наш счет, предприятие не обеднеет».

С такой поддержкой можно было идти и к директору комбината.

Директор комбината, Иван Семенович, по новой моде был недавно избран на эту должность при мощной поддержке Совета трудового коллектива и работал по контракту. По этой причине, а может, вследствие накопленной с годами мудрости, он согласился с доводами Минина, что такой и дисциплинированный, и старательный выпускник подшефного ПТУ достоин стать стипендиатом комбината, и первым подписал направление в институт. Однако утвержденная Правительством форма направления предусматривала еще две подписи: председателя комитета профсоюза и секретаря парткома. Если они подпишут — стипендиату от предприятия в вуз прямая дорога. А уж коли не согласятся, ничего не поделаешь.

Понятно, что если директор предприятия направление подписал, то председатель профкома возражать не будет. К тому же председатель Овчинников старосту группы электромехаников Сидорова прекрасно знал. Благодаря организованной им группе прошедшей зимой комбинат выиграл зимнюю спартакиаду района. И вообще Овчинников слыл человеком доброжелательным (за что и был избран председателем), а потому в направлении без заминки расписался и даже поставил профкомовскую печать. Осталась последняя инстанция — секретарь парткома Стремянников.

А вот с ним у Петра Ивановича вышла заминка, да еще какая.

В комбинатской иерархии он ставил себя выше профорга и на одном уровне с директором. Предложение подписать направление после Овчинникова он воспринял как личное унижение и уперся: «Поторопились вы без меня решать. У нас и без того лишние ИТРовцы — сокращать пора. Ни к чему нам новые инженеры». И не подписал: не любил Стремянников слишком грамотных. По образованию техник, он сумел дослужиться до должности начальника цеха, которая стала для него потолком некомпетентности: его необразованность стала тормозом и для развития цеха, и для комбината. Чтобы решить проблему, Стремянникова по наработанной практике выдвинули в парторгию, поскольку эта должность технических знаний не требует. А руководить цехом поручили молодому инженеру. Еще сильнее невзлюбил инженеров Стремянников.

Главным словом партии в тот момент было «ускорение». Следовательно, первоочередная задача коллектива — работать, работать и работать. А учиться можно без отрыва от производства — да и необязательно. ПТУ закончил — и ладно. И никакой тебе повышенной стипендии. У Стремянникова у самого дочка подрастает, и скоро ей в вуз поступать. Не пэтэушнику же ей дорогу переходить! Это Стремянников в уме держал, а вслух сказал, что единолично решить такой сложный вопрос не может, хотя сам

и не против. Но необходимо согласие партбюро, которое в этом месяце уже отседало. И следующее заседание планируется через месяц. А собирать экстренное заседание по такому ничтожному поводу он не видит необходимости. О чем жалеет. И развел руками в подтверждение своей малой значимости.

Переубедить упертого парторга нечего было и думать. Доброе дело зашло в глухой тупик: время сдачи всех документов в институт истекло.

«Родится же такое ничтожество, — озлился на него Петр Иванович. — Из-за закорючки на листе у мальчишки жизнь не сложится. Значит, обойдемся без партбюрократии». И расписался за парторга сам, своей подписью. Благо что печать парткома формой не предусмотрена. Да и не существует такой. А Сергеем наказал обо всем помалкивать и сдавать документы. Уехал в Свердловск Сидоров, и все про него забыли, кроме бухгалтерии.

Вспомнили, когда через год прибыл студент-второкурсник на летнюю практику. Стремянников обнаружил его в бывшем своем цехе, обо всем дознался и взбеленился: «Это как — в обход парткома! За подлог и подделку моей подписи уголовная статья полагается! Все на лесоповал поедут...»

На этот раз партбюро собрали экстренно.

Заседание назначили на послеобеденный час — так легче обеспечить кворум. Это потому, что после столовой часть членов бюро закрывается в кабинете главного инженера и режется в подкидного дурака, другая кучкуется в Красном уголке возле бильярда, третья «забывает козла» в ремонтном цехе, а комсорг Сашка Шульгин рубится в волейбол на спортплощадке.

Комбинатский радиоузел прокашлял в громкоговорители объявление о сборе партбюро в кабинете директора.

Инженера по подготовке кадров Сажина П.И. предварительно известили письменно, чтобы не уклонился. Некоторые стали поглядывать на него сочувственно. А председатель СТК Минин поспешил ободрить: «Я слышал, тебе коммунисты дело шьют? Так не получится — прошло их времечко. Да и ты им теперь не по зубам — не зря мы тебя кандидатом в народные депутаты выдвинули. Так что не гнись, если что, мы СТК в одночасье соберем — тогда и посмотрим, на чьей стороне правда. Однопартийность теперь не в моде — перестройка начинается».

Минина из приемной не пригласили, а Сажина пригласили пройти в кабинет.

За длинным столом собралось оторванное от отдыха бюро. Особняком от него — директор (распечатывает валидол), ближе к двери — раскрасневшийся после игры в волейбол комсорг Сашка и встревоженный Овчинников. Сажину присесть не предложили.

Стремянников докладывал долго и нудно об остроте политического момента, о двадцатой партконференции и руководящей роли компартии в воспитании молодежи и закончил тем, что обучение молодежи нельзя доверять лицам, подобным беспартийному Сажину, совершившему обман, подлог и подделку подписи самого секретаря парткома с целью направить своего любимчика учиться за счет трудового коллектива. Как будто других не нашлось. А потому он предлагает выразить Сажину недоверие, уволить по несоответствию занимаемой должности, дело передать в прокуратуру, а Сидорова из института отозвать.

Заслушали директора, который от обвинения в протекционизме отмежевался, сославшись на то, что направление ему подсунул председатель СТК, а он, не имея ничего против трудового коллектива, подписал его первым, как это предусмотрено утвержденной формой. А о том, что партком своего согласия не давал, слышит впервые. Лукавил Иван Семенович, последний годок перед пенсией досиживал.

Вторым оправдывался Овчинников. Этот чувствовал себя независимо, поскольку не видел причин, препятствующих талантливому парню и отличному общественнику, притом сироте, пройти обучение за счет комбината, чтобы потом вернуться в родной коллектив уже инженером. А потому он по согласию профкома (протокол имеется) подписал направление, не думая о порядке очередности, которая ничем не регламентирована. И, помахав протоколом перед собравшимися, попытался уйти, но его остановили.

В последовавших неллицеприятных прениях по молодости отличился комсорг Сашка Шульгин, который прямо заявил, что криминал ничем не доказан, а есть только утверждение парторга. Которому можно верить, но лучше посмотреть на сам документ и поддельную подпись на нем. И тут выяснилось, что такого документа в наличии не имеется и смотреть не на что. Разве что сам Сажин признает сам факт подделки.

Настала очередь заслушать самого виновника персонального дела Сажина П.И.

И хотя Сажин никакой аудитории не боялся: недаром столько лет преподавал в профтехучилище спецтехнологии, предмет сложный, требующий сосредоточения на тонкостях, — но по лицам и реакции собравшихся партийцев понял, что для них ложный авторитет партии важнее судьбы молодого человека и его наставника. Эти разбираться особо не будут и не пожалеют. И от отчаяния решил защищаться их же методом — демагогией. Пришлось напомнить о партийной ответственности за повышение эффективности производства, которое напрямую зависит от качества подготовки кадров. О том, что на комбинате не все руководящие должности замещены инженерами, об отсутствии компьютеризации и автоматизации, что делает проблематичным не только ускорение, но и саму перестройку. Он хотел еще рассказать о достоинствах самого Сидорова, но не успел, потому что партийцы, конкретно задетые этим выпадом, его грубо прервали и потребовали вернуться к факту подделки подписи секретаря парткома на направлении в институт.

«А я ничего не подделывал, — продолжал дерзить Петр Иванович. — Я подписал направление своей фамилией — Сажин. И имею на это полное право, оспорить которое вы не сможете».

На это последовала такая могильная тишина, что стало слышно, как урчит в животе завгара Никитина, пообедавшего, как всегда, всухомятку, чтобы успеть забить лишнюю партию в домино. Тишине положил конец неугомонный Стремянников, потребовавший от Сажина объяснения Бреда, который он озвучил.

«Никакого бреда я не несу, — отпарировал Сажин. — На официальном утвержденном бланке значится: подпись секретаря парткома. Но не уточняется, какой партии, какого парткома. Не важно это институту. Я в своей партии секретарь и имею право подписи. Где вы увидели нарушение?»

«И какой же это партии ты у нас секретарь?» — встрепенулса до этого молчавший директор.

«Самой сегодня популярной — партии зеленых, может, слышали?» — невозмутимо отвечал Сажин.

«У нас на комбинате что, имеется такая партия? И кто же ее члены?» — отчего-то заволновался директор.

«Секретарь бюро — я, а его члены — Федор Сазонов и Степа Козлов. Мы все рыболовы и за охрану природы. Активистов и желающих вступить предостаточно. Процесс, как говорится, пошел. Осталось его развить и “углубить”».

Присутствующие растерялись, загалдели: мнения разделились. Одни предлагали обсуждение прекратить как недемократичное. Другие настаивали на плюрализме. Третьи требовали уточнения: есть ли такая партия? В результате решили пригласить Сазонова и Козлова для уточнения. Вскоре выяснилось, что сантехника Сазонова приглашать бесполезно, потому что после смены раковины в здравпункте он нагло выпил флакон спиртового раствора зеленки, опьянел, и его увезли на грузовом мотоцикле домой — очень даже зеленого и отчасти синего. И до завтра он говорить не сможет, даже если опохмелится. А вот художника Козлова пригласить возможно.

Вызвать его согласился завгар Никитин. На это у него имелся явный повод и скрытые причины. Явный повод — это то, что Козлов числился за гаражом и имел при нем мастерскую. Скрытая причина — Никитину невыносимо хотелось в туалет. Куда он немедленно и последовал. Там, поднатужившись, завгар обдумал, как поставить на место зарвавшегося Стремянникова, которого не любил за то, что тот Никитина подсадил и столкнул с поста секретаря парткома.

Степа Козлов прежде работал водителем в том же гараже, но вследствие своего непереносимо скандального характера из-за пустячного нарушения умудрился насмерть разругаться с автоинспекцией и на год лишиться прав. Несправедливое наказание окончательно подкосило тонкую нервную систему художника, в своей несчастью виновного уже не только ГАИ, но и всю политическую систему страны. И он взялся бороться с ней, участвуя во всех без исключения акциях протеста. Ожидать от такого можно чего угодно.

Многоопытный завгар прошел и войну, и репрессии, сумел уцелеть в силу крестьянской хитрости и умения оборачивать любые события в свою пользу. Еще он любил сталкивать и ссорить сотрудников и получать от этого удовольствие, а иногда и выгоду. Поставить на место парторга, замучившего завгара претензиями на персональный автомобиль, как раз представился случай.

Козлов писал большой транспарант на очередной митинг зеленых: «Все в ОКОП!», когда его застал за этим начальник. Его неожиданное явление в обеденный перерыв повергло халтурщика в состояние явной агрессии. А тот возникшее напряжение поторопился усугубить: «Правильно говорит Стремянников, что ты Степан, халтурщик, и твое место — за воротами. Иди, в партбюро тебя вызывают. Отчитаешься за нетрудовые доходы. Где, когда и в какой валюте».

«Ничего я не получал! — взорвался художник. — А если что и сделал, то бесплатно и в личное время, для своей партии. Зеленые скоро у власти будут, тогда вы зачешетесь». — «Тогда ты им так и скажи, что вступил в партию зеленых. Сажин уже во всем сознался, — напутствовал завгар. — А с тебя и взятки гладки». — «Так и скажу», — не испугался Козлов. И побежал в контору, не переставая на ходу себя взвинчивать.

В кабинет он влетел разгоряченный как бойцовый петух и, не ожидая для себя ничего доброго, первым кинулся в схватку: «Заседаете? Заняться вам нечем? Вот вас здесь десять мужиков — возьмите по лопате, вскопайте газон, засейте травкой, хоть какая-то польза от вас будет. А зачем мою березку спилили? Я это деревце из леса привез, высадил, поливал-отращивал. А вы ее, красавицу, не думая, спилили, чтобы доску почета расширить. Березка живая была, а все ваши лозунги — мертвые. Ну погодите, скоро выборы, и мы, зеленые, власть возьмем. Получите по лопате. Не будете на служебных машинах на свои дачи баб возить. Что, Стремянников, потупился? Мне из гаража хорошо видно — кто, куда, откуда. Понадобится — на бумаге изложим. На то и гласность».

Такого напора даже дубовый Стремянников не выдержал. Бразды ослабил, и предопределенность решения парткома разрушилась. Инициативу перехватили оппоненты, процесс понесло совершенно в другую сторону, и про Сажина позабыли. В результате персональное дело не состоялось, Сажина и Козлова попросили поскорее удалиться и не распространяться о происшедшем.

Но все равно, история получила широкую огласку на комбинате и в профтехучилище. Набирающий силу совет трудового коллектива в пику партбюро рассмотрел вопрос о стипендии Сидорове, признал его членом трудового коллектива и подтвердил правильность его направления на учебу. По окончании практики он уехал доучиваться, а комбинат продолжил платить ему стипендию, пока экономическая ситуация в корне не поменялась.

Стремянников долго не мог простить Сажину своего поражения и грыз его при каждом удобном случае. Но вреда причинить не сумел. Сажина при широкой поддержке коллектива избрали депутатом городского Совета, и он стал парторгу «не по зубам». Впрочем, и КПСС вскоре развалилась, и страну сотрясла такие судороги, в которых потерялись и красные, и зеленые, забылись и Сажин, и Сидоров. Только Стремянников долго держался на плаву. Потому что такие не тонут...

Генеральный директор отошел от окна, за которым невыносимо верещала бензопила. Потом по селектору вызвал своего заместителя: «Луквич! За экологию ты у нас отвечаешь? Тогда прекрати лесопилку на нашей территории. Мне не важно, чье это мнение. Сегодня одно мнение, завтра другое появится, а мы тополя повырубим. Молодняк лелеять и выращивать следует, а мы выводить под корень. И не бояться поступать по совести — потом вам же добром откликнется. Поверьте, уж я это хорошо знаю».

